

Андрей Добролюбский

«Я попал в какой-то другой мир...»

«...Мы себе можем вообразить, что тут хан имел в виду».

Проф. Ф.К. Брун

Следы Хаджибеевой тьмы. Археологические поиски последних лет дали возможность упорядочить все имеющиеся скромные остатки и свидетельства былого материального существования на месте Одессы приморского поселка и якорной стоянки каталонцев и генуэзцев. Эта стоянка в 1306 году была названа Джинестрой одним из предводителей каталонской Великой компании Востока Бернардом де Рокафортом.

Занимающие нас здесь фрагменты керамики в большинстве своем датируются первой половиной XIV века. Они рассеяны по всему одесскому побережью от Куяльницкого и Хаджибейского до Сухого лиманов и даже, по всей видимости, куда шире. Столь обширный ареал вряд ли позволяет указать на конкретное местонахождение самой Джинестры, которая, скорее всего, представляла собой лишь небольшое укрепление, огражденное рвом, а также земляным валом с деревянным частоколом, – таковой была обычная колонизационная практика латинян в Северном Причерноморье. Имелась и каменная башня маяка. Так поступали генуэзцы в Каффе, Солдае, Чембало и т. п. И едва ли нашу якорную стоянку когда-либо удастся найти археологически – за последние столетия одесское морское побережье отступило не менее чем на несколько сотен метров, и ее остатки просто утонули. Поэтому многие здешние обломки керамики часто обкатаны в море.

Но определяются они порой достаточно отчетливо. Это в большинстве фрагменты красноглиняных мисок, тарелок и кувшинов с желтой, зеленой, бирюзовой и коричневой поливой, часто на ангобной (фр.: *engobe* – покрытие из жидкой глины) подгрунтовке. Встречены и остатки так называемой кашинной керамики (из смеси песка с известью). Имеются также обломки дорогой светло-серо-зеленой так называемой селадоновой, или псевдоселадоновой, посуды второй половины XIV в., а также осколки расписных глазурованных (так называемых *люстровых*) сосудов иранского производства того же времени.

Керамика Хаджибеевой тьмы

Селадоновая керамика

Матей Стрыйковский

Сходные изделия известны на многих памятниках в Причерноморье и уверенно относятся к «золотой эре» Великого Улуса, или Золотой Орды, – к временам правления ханов Узбека, Джанибека и Бердибека, вплоть до первого чумного мора 1346-49 г. и «Великой замьтни» (с 1359 г.), сопровождавшейся второй чумной пандемией (1360-е гг.). Найдены также фрагменты так называемой красно-желто-ленточной керамики, которые археологи именуют сельской. Она датируется 1360-80-ми гг. и указывает на начало смутных времен

в Золотой Орде, или Улусе Джучи. Ее можно назвать посудой бедности, или нищеты, тогда как керамика «золотой эры» является, несомненно, посудой достатка или определенного благополучия. Как, впрочем, и селадоновая, и люстровая посуда, которую, пожалуй, можно даже считать роскошной.

Единственным внятным объяснением нахождению здесь этих обломков может быть то, что они оставлены обширным золотоордынским кочевьем, или стойбищем. Оно располагалось именно здесь, близ Джинестры, на протяжении всей упомянутой ордынской «золотой эры» и, видимо, позднее.

Пребывание здесь этого стойбища удостоверяет также найденный близ Сухого лимана, в пос. Совиньон небольшой могильник, костяки из которого были подвергнуты радиоуглеродному анализу (широкий диапазон дат – 1280-1430 гг., узкий – 1345-1370 гг.) и антропологическому обследованию. Оно показало, что изученные усопшие были довольно молоды, и их черепа характеризуются большими размерами мозговой коробки, широким и несколько уплощенным лицом, что указывает на большую долю монголоидных признаков.

Таким образом, археологические свидетельства существования на территории нынешней Одессы крупного кочевого стойбища в золотоордынское время и, очевидно, позднее, кажутся скромными, но бесспорными. Но куда более скудны исторические сведения – принято считать, что где-то в этом районе были кочевья орды*, тумена, или тьмы, «князя» Хаджибея (Качибей), «от имени которого названо Качибейским соленое озеро в Диких полях по дороге как идти в Очаков». Так писал польский историк Матей Стрыйковский, в «Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi», изданной в 1582 г. От этого озера и «является названным порт Качибей», как полагал другой польский историк, Станислав Сарницкий, в «Descriptio veteris et novae Poloniae» (1585 г.). Если судить по этим сообщениям, то именно сюда Хаджибей вместе с остатками своей тьмы отступил после поражения в битве с литовским князем Ольгердом у Синих Вод в 1362 г. Впрочем, эти свидетельства оставлены не современниками и очевидцами, а донесены до нас историками, более чем через два столетия после Синеводского сражения. Очевидным в них является лишь сам топонимический факт существования Хаджибейского лимана. А самого кочевого стойбища никто не видел. Надо искать свидетелей и очевидцев.

Хроника Стрыйковского

* «Ордой» назывались ставка и постоянное войско хана. Так же именовались ставки и войска эмиров, темников, тарханов и пр. Слово «орда» равнозначно «улусу», «населению», «народу». Это же – кочевье, тумен, тьма, территория улуса, что обычно выражалось тюркским термином «юрт».

Хан Менгли-Гирей

Великий князь Сигизмуд Старый

Очевидцы и их толкователи. В начале июля 1507 г. Крымский хан Менгли I Гирей выдал великому князю Литовскому Сигизмунду I Старому ярлык (ханская льготная грамота. – А. Д.), который содержит перечень населенных пунктов, земель и вод, на управление которыми хан жалует свое соизволение. В их числе указан и некий «*городок Ябу*», который нигде более не упоминается.

В 1870-е гг. профессор Новороссийского университета Ф.К. Брун в статье «Судьбы местности, занимаемой Одессой» попытался выяснить, что все же «тут хан имел в виду». Он рассудил, что «присутствие в ярлыке Ябу городка... сразу после Хачибеева Маяка «с водами и с землями» и перед Балык-лы, Дашевым (Очаков. – А. Д.) и др., как раз и позволяет искать его между Днестром и Южным Бугом». И решил, что «хан имел в виду» обычное татарское стойбище.

Он же отыскал тому «свидетеля». Им оказался «фландрский рыцарь и посланник Гильбер де Ланнуа, кавалер ордена Золотого руна», кото-

рый в 1421 г. по пути из Монкастро в Крым «переправился через реку Днестр и реку Днепр, возле которой нашел татарского князя, друга и слугу герцога Витольда (Витовт – великий князь

Литовский. – А. Д.), равно как и большое татарское селение, принадлежащее сказанному Витольду: мужчин, женщин и детей: они не имели домов, жили на голой земле. Сказанный князь по имени Жамбо, – пишет де Ланнуа, – дал мне много осетров... и хорошо меня кормил. Потом его татары по его повелению переправили меня с моими людьми и повозками чудесным образом через реку, которая имела милью в ширину, на маленьких челноках из одного куска дерева».

Комментируя это описание, Ф.К. Брун предположил, что «вышеупомянутое слово *Жамбо*, вероятно, не означало собственного имени хана, но только начальника Джамболукской орды, которая впоследствии кочевала в наших степях, что могло случиться и во время нашего путешествия». А поскольку термин «Ябу» созвучен слову «Жамбо (Ямбо)», и «...мы себе можем воображать, что тут хан имел в виду: становище Ямболукской, или Джамболукской орды; сторожевую башню Балыклы, соответствующую... замку Балукля при устье Чичакля в Буг и Черный город Дашов (Очаков. – А. Д.)».

Позднее, в 1920-е гг., одесский историк Ф.Е. Петрунь вслед за Ф.К. Бруном назвал ябу-городок «становищем» Джамболукской орды и указал и другие возможные ее опорные пункты. В их числе Торговицу на Синих водах.

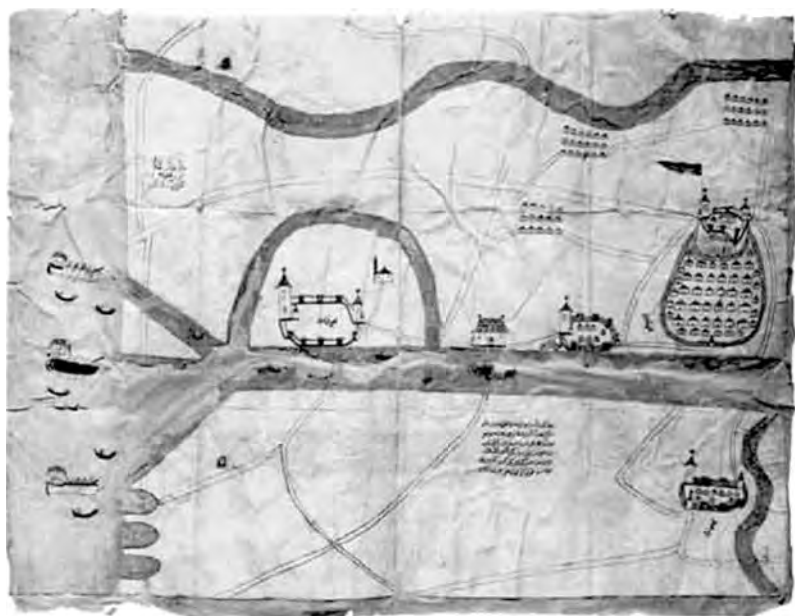
Рыцарь Гилльбер де Ланнуа стал, таким образом, первым очевидцем «живого» ябу-городка. Другим же свидетелем оказался некий турецкий разведчик, «проводник, мореец» по имени «Кулакути Муралий Ильяс». За несколько лет до того, как хан Менгли-Гирей выдал свой упомянутый ярлык с «городком ябу» королю Сигизмунду, этот мореец пытался получить аудиенцию у султана

Профессор Филипп Карлович Брун

Баязида. Он собирался предложить султану взорвать днепровские пороги, с тем чтобы турецкий флот мог атаковать Киев по Днепру. И был весьма самонадеян: «...Если мой султан повелит, – писал он, – то камни, которые [находятся] в этой реке (сотворены же они во времена Нимруда), я, смиренный слуга ваш, раздвину так, чтобы ваши корабли дошли вплоть до королевской столицы и ни у кого [даже] кровь бы из носа не потекла...». И «...пусть этот смиренный слуга... будет представлен царскому трону».

Разумеется, готовясь к предстоящему представлению, «этот смиренный слуга» Ильяс подготовил соответствующую карту, которая сохранилась в библиотеке стамбульского дворца Топкапы. В 1969 г. ее издал польский историк Зигмунд Абрагамович в статье «Старая турецкая карта Украины с планом взрыва днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев». На карте изображены река Днепр между Очаковом и Киевом, а также учас-

Турецкая карта морейца Ильяса

ток черноморского побережья между Днепром и Днестром. Близ этого побережья размещены Новая крепость (Очаков), а также некий *городок Ябу*, надписанный *Ḳal'e-yi Yabu*, который и занимает нас в этом сюжете.

В этом изображении нетрудно увидеть обычное кочевое стойбище, или «татарское селение», – два параллельных ряда шатров, юрт или палаток, расположенных на голой земле, каковым его ранее, в 1421 г., и посетил Гильбер де Ланнуа. Тогда оно находилось близ переправы через Днепровско-Бугский лиман. И поскольку Ильяс счел необходимым его отметить на военной карте, это «татарское селение» в его глазах, наверное, имело некое стратегическое значение.

Карта составлена Ильясом примерно в 1495-1506 гг., то есть почти тогда же, когда и ярлык Менгли-Гирея 1507 г. Фактически она – довольно грубый эскиз, без всякого масштаба. Но нетрудно видеть, что ябу-городок обозначен примерно на половине пути между Очаковым и Белгородом – как раз в районе «соленого озера в Диких полях», «названного Качибейским» – нынешнего Хаджибейского лимана, то есть фактически в районе нынешней Одессы. И, стало быть, непосредственно на месте ареала описанной выше керамики достатка и нищеты, который маркирует размещение здесь в XIV в. Хаджибеевой тьмы. Значит, именно сюда ябу-городок и переместился от той переправы через Днепровско-Бугский лиман близ Очакова, где его ранее, в 1421 г., застал Гильбер де Ланнуа.

Судя по указанным на карте дорогам, это стойбище могло сезонно и перманентно перемещаться по «пути из-за Днестра морским берегом в Крым», или по «другой дороге из-за Днестра в Очаков: судя по изгибу, это известный Валашский шлях, по которому ходили в Украину буджакские татары»; а также по «длинному пути от берега Черного моря прямо в Киев». Чем оно, очевидно, и занималось. Получается, что ябу-городок является непосредственным преемником Хаджибейской тьмы.

Между тем путь «прямо в Киев» проходил мимо городища Торговицы на Синих Водах, которое Ф.Е. Петрунь в свое время назвал одним из претендентов на имя ябу-городка. Впоследствии его поддержал другой украинский историк, Ф.М. Шабульдо.

Последний, в отличие от своих предшественников, сумел выяснить, что ябу, или же йабгу, – это титул наместников из числа ближайших родственников правителей степных империй Центральной Азии. И поэтому рассудил, что городок с таким именитым и престижным титулом никак не мог быть каким-то заурядным поселком или стойбищем, а должен был соответствовать требованиям резиденции ханского наместника во владениях Золотой Орды к западу от Днепра. Таким требованиям в первой половине XIV в. в полной мере отвечала Торговица – или город Синяя Вода – на переправе через реку Синие Воды на ответвлении торгового пути, известного в XIV в. как *via Tartarica*, – участка Великого шелкового пути в Северном Причерноморье.

Былое величие Торговицы (или Синих Вод) в XV-XVII вв. сохранялось в виде красочных руин. Ими был весьма впечатлен в 1530-40-х гг. литовский посол в Крымское ханство Михалон Литвин: «так считается, – писал он, видимо, от избытка чувств, – что Илион (Ilium), или Троя (Troiam), некогда находились на киевской территории (territorio Kioviensi) в плодороднейших степях и живописнейших лесах. Здесь можно видеть памятники, от которых ныне сохранились развалины, подземелья, гроты, мраморные плиты и остатки мощных стен. Это давно покинутое, но весьма удобное место называется ныне Торговица (Torgovitzza)».

Примерно в то же время, в 1547 г., крымский хан Сахиб I Гирей писал великому князю литовскому Сигизмунду II Августу, что «урочища... по Богу реце и по Синей Воде... знаки того же предъсе моего Саинъ Цара Езюбек Чаанъбекъ Цара (ханы Батый, Узбек и Джанибек. – А. Д.) кочовища были, якожь они и до сихъ часов у тыхъ кишняхъ есть поховани и теперь тыи кешени стоятъ». Здесь также сохранялись остатки «мечетей бусурманских» и мусульманских надгробий с надписями. Это место упоминается как город Синяя Вода на правом берегу реки Синяя Вода в «Книге большому чертежу» и отмечено на географических картах XVI-XVIII вв., и как Торговица с характерным знаком, обозначающим развалины на реке Синяя Вода (Sinawoda), или Синюха (Sinucha). Сегодня здесь расположено село Торговица, близ которого в последние десятилетия проводятся археологические раскопки. Эти раскопки однозначно подтверждают существование на этом

месте крупного золотоордынского города времен ханов Узбека и Джанибека со всеми полагающимися атрибутами, найденными археологически: бани, водопровод, могильник и т. п., и с развитым керамическим производством.

Если обобщенно и лишь в связи с потребностями нашего повествования попытаться обозреть керамический комплекс Торговицы, то легко увидеть, что в составе поливной посуды полностью преобладает красноглиняная керамика (94,4%). Вся она найдена лишь в виде обломков. В ее составе самой распространенной является керамика с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Куда реже – без ангобной подгрунтовки. Еще реже, но встречаются, порой в единичных экземплярах, образцы посуды с: гравировкой по ангобу под прозрачной зеленой поливой; рельефным орнаментом под прозрачной зеленой, оливковой, двухцветной, желтой или коричневой поливой; полихромной подцветкой, с бирюзово-голубой поливой, с бесцветной поливой, с прозрачной и непрозрачной бирюзовой поливой, а также с синей (кобальтовой) поливой. Подобное же соотношение типов керамики характерно и для приморского ареала Хаджибеевой тьмы.

Все серебряные монеты, которые происходят из Торговицы, принадлежат к правлению ханов Токты (1290-1312 гг.), Узбека (1312-1342 гг.), Джанибека (1342-1357 гг.), Бердибека (1357-1359 гг.), Кульпы и Навруза (1359-1360 гг.). Более уверенно это городище может датироваться лишь медными монетами Джанибека, а значит, существовало лишь в 1340-1360 гг. В начале 1360-х гг. жизнедеятельность на Торговице совершенно прекращается – во всех раскопах фиксируются следы пожара. Видимо, город сгорел практически полностью. Эта дата вполне согласуется со знаменитым сражением при Синих Водах осенью 1362 г. Именно тогда, как записано в «Повести о Подолье», «...князь великий Олгирд и, шедь в поле с литовским войском, побил татар на Синей воде, трех братьев: князя Хачебея а Кутлубуга и Дмитрия. А тыи трии братья Татарьское земли, отчичи и дедичи Подольской земли...».

Принято считать, что именно Торговица была столицей и одновременно ставкой князя Хаджибея. После битвы при Синих Водах он вынужден был покинуть этот город и отступить вместе

Плано Карпини

Папа Иннокентий IV отправляет своего посланника Иоанна де Плано Карпини к Великому хану для установления дипломатических отношений

с остатками своей тьмы на юг, к нынешнему одесскому побережью, к озеру, называемому по его имени Хаджибеевским. Очень вероятно, что с тех времен ордынцы начали называть также и башню маяка, имевшуюся в Джинестре, Хаджибеевым маяком. Под этим именем он и упомянут в ярлыке Менгли-Гирея.

Описанная керамика достатка Хаджибеевой тьмы в Одессе датируются точно так же, как и керамика Торговицы, – 1320-50-е гг. Это означает, что они существовали в одно и то же время. Такое обстоятельство легко объяснимо меридиональным кочеванием синеводской летней ставки ябу-наместника, которая постоянно передвигалась – на зиму ставка вместе со всей ордой перебиралась на юг, к Черному морю, а весной возвращалась в лесостепь, к Торговице. «Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются вверх. Море же это есть Великое Море, из которого выходит рукав Св. Георгия, текущий в Константинополь», – писал в об этом

в «Истории Монгалов» посланник папы Иннокентия IV францисканец Джованни дель Плано Карпини. «...Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются

на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды...» – как бы вторит ему десять лет спустя в своем «Послании» французскому королю Людовику IX Святому Вильгельм де Рубрук, отправленный им ко двору Великого хана, дабы уговорить его принять христианство.

Судьбы огузов и их «ябу». Как же получилось, что ставкой ханского наместника оказалась именно Торговица? Историкам известно, что ябу (ябгу, или йабгу (yabu, yabgu, реже yabghu – может переводиться как «первый», «проводник»)) – это была государственная должность в ранних тюркских государствах, примерно соответствующая наместнику. Титул ябу (yabu) традиционно давался второму по рангу члену правящего рода Ашинов в VI–VII вв. Впоследствии он перенимался и другими тюркскими народами. И в некоторых случаях ябу становился титулом верховного правителя, соответствующим хану или кагану. Так правители западнотюркских владений носили титул ябу-каган.

Ябу стал титулом верховного правителя и в государстве Огуз Ябу, созданном огузскими тюрками в середине VIII в. между Аральским и Каспийским морями. Оно просуществовало около 300 лет – до середины XI в. Арабский географ ал-Йакуби называл правителей огузов царями. В государстве Огуз власть правителя-ябу передавалась по наследству, хотя и проводились ритуальные выборы народного собрания. Наследники престола назывались иналами, а их воспитатели – атабеками. Заместитель ябу назывался кюль-эркином, а главнокомандующий войсками – сюбаши.

Это довольно мощное государство долго и успешно воевало с Хазарским каганатом. Так в 985 году огузы-ябу заключили с киевским князем Владимиром военный союз против хазар и поволжских булгар, участвовали в его походе на Хазарию и помогли обложить ее данью. За это впоследствии митрополит Илларион величал

Страна Огуз Ябгу

Владимира хазарским титулом *каган*. А самим огузам дружеские отношения с Киевом позднее весьма понадобились в борьбе с кипчаками.

Со временем из-за внутренних беспорядков немалая часть огузов – сельджуки – ушли в Малую Азию, где их правители стали называться султанами. Впоследствии они, как известно, создали обширное государство – Великую империю сельджуков, в состав которой входили Малая Азия, Иран, часть Закавказья и Центральной Азии.

Судьба другой, тоже немалой части огузов, правители которых, видимо, продолжали называться ябу, сложилась не столь счастливо – они вели постоянные войны с кипчаками из-за пастбищ и в результате были вытеснены своими врагами в Восточную Европу. Здесь они, теснимые кипчаками, отступили к южным пределам Киевского княжества. В летописях они получили названия торков, а их гонители и враги кипчаки – половцев. Последние заняли все причерноморские степи и к концу XI в. вытеснили огузов-ябу на север, в лесостепные районы – на земли своих давнишних союзников, Киевского княжества. Здесь в 1140-е гг. эти огузы-торки образовали племенной союз черных клобуков (черные шапки). Они стали вассалами киевских князей и несли пограничную службу на обширной территории по течению рек Днепра, Стугны и Роси. Видимо, именно так титул ябу проник на наши земли. В сущности, именно здесь, к югу от Киева, огузы-торки как бы воссоздавали на новой территории свою былую державу Огуз-Ябу. Они органично вписались в политическую жизнь Киевского княжества и участвовали едва ли не во всех междоусобных и внешних конфликтах.

Попеременными столицами – «ябу-городками» – черноклобуцкого союза могли быть либо Канев, либо Торческ (Торцьк, Торцьскъ), либо Ростовец. Это блуждание легко объяснимо сезонными либо ситуативными перемещениями ставки наместника ябу. Поскольку половцы занимали южные районы степей, огузы, поименованные черными клобуками, были обречены на обитание лишь в лесостепных районах междуречья Днепра и Днестра, в частности, бассейне реки Рось. Тем самым они были лишены достоинств и преимуществ меридионального кочевания – воз-

возможности откочевывать на юг, в причерноморские степи в зимнее время. А хорошие зимние пастбища в Восточной Европе – все на юге. И их занимали кипчаки-половцы.

Для огузов-торков, или «народа черных шапок», это было очень чувствительным. Естественно, они ненавидели кипчаков, которые изгнали их ранее из родных кочевий. Они более чем охотно участвовали во всех походах киевских князей в Дешт-и-Кипчак. Зачастую их действиями руководили какие-нибудь русские князья, которые сидели в Каневе, Торческе или владели Поросской областью. Так в 1191-1192 гг., для того чтобы пойти на половцев, черные клобуки приглашали Ростислава Рюриковича. Черные клобуки, видимо, считали таких князей своими ябу. А Торческ был ябу-городком. Последнее упоминание торков-огузов в летописи относится к 1235 г.

А в 1237 г. известный половецкий хан Котян, вождь племени дурут, которое тогда обитало в степях между Днепром и Днестром, был разбит монголами Батыея, в результате чего вынужден был покинуть свои степные причерноморские владения и вместе с 40 тыс. соплеменников бежал в Венгрию. Именно эти владения и вождели заполучить черные клобуки для своих зимних перекочевков на юг. Но им это было не дано, поскольку уже в 1240 г. «...царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек, – по словам персидского энциклопедиста Рашид-ад-Дина, – направились походом в страну русских и народа черных шапок...» и «в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкеркан (Киев. – А. Д.)». И все земли к югу от Киева между Днепром и Дунаем, включая причерноморские степи, оказались владениями монголов. Которые стали назначать «черным шапкам» наместника-ябу уже по своему усмотрению.

Впрочем, здесь оставалась также немалая часть кипчаков, которая, смешавшись с огузами-торками, тоже была покорена монголами. С тех времен, по мнению египетского энциклопедиста ал-Омари (1301-1349 гг.), все они стали именоваться татарами. Он писал, что «в древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (с кипчаками). Так земля одержала победу над природными

и расовыми чертами татаров, и все они стали кипчаками – род у них был общим с ними, так как монголы переселились на земли кипчаков, вступали с ними в смешанные браки и оставались жить на их землях (кипчаков)».

Дальнейшие сведения об истории этих земель более чем туманны. Принято считать, что здесь образуется улус Куремсы (Курумши, Куремши), который как наместник Батыея уже сам становился ябу и определял маршруты кочевий своих новых подданных – как огузов-торков, так и кипчаков-половцев. В 1258 г. Куремса был смещен Бурундаем. А затем эти территории отошли к Ногаю и находились в его подчинении вплоть до гибели этого темника после битвы при Куяльнике в 1300 г. Тогда же победитель Ногай, хан Токта, совершил несколько карательных походов в земли черных клобуков. Именно тогда ставка наместника-ябу перемещается из Канева или Торческа в Торговицу, которая находилась непосредственно на самой границе степи и лесостепи. Такое ее местонахождение было очень удобным – расстояние до черноморского побережья составляло 250-300 км, Это оптимальная дистанция сезонных меридиональных перекочевков.

Окончание следует

